R 449/1066

R 449/1066

Федоръ Александровичъ
Витбергъ.

О НѢКОТОРЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ

НАРОДНОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ

въ эпоху преобразованій Петра Великаго,

съ точки врѣнія науки словянской.

В. ГРИГОРОВИЧА.

Ир
Г-83

Чтеніе, произнесенное въ торжественномъ засѣданіи ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета 31 мая 1872 г.

Изъ книгъ А.В. Кокорева

14 с

ОДЕССА.
ТИПОГРАФІЯ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ
1872.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина
3063-71

Дозволено цензурою. — Одесса, 31 іюля 1872 г.

2007081060

О нѣкоторыхъ явленіяхъ народной русской жизни въ эпоху преобразованій Петра Великаго.

Съ точки зрѣнія науки славянской.

Среди преобразованій, подвинувшихъ впередъ общественную жизнь настоящаго времени, бесѣдовать о значеніи преобразованій Петра Великаго могъ бы, конечно, только тотъ, кто въ силахъ былъ бы подняться до высоты помысловъ вашихъ, Мм. Гг., кто участіемъ своимъ въ общественной жизни постигалъ бы глубину сознанія правды, которою вы, Мм. Гг., проникнуты, содѣйствуя, сочувствуя успѣху современныхъ преобразованій. За себя едва-ли могу ручаться, и при мысли о громадности подвиговъ приснопамятнаго ихъ виновника трепещу, сознавая немощь свою достойно помянуть ихъ на 201 году со времени его рожденія. Благо, они уже изображены, какъ подобало, призваннымъ по праву на это трудное дѣло повѣствователемъ; (*) мнѣ, слѣдственно, не искусному въ живописи событій великаго историческаго значенія, можетъ быть, неотказано будетъ въ слабомъ начертаніи нѣкоторыхъ явленій, дополняющихъ великолѣпную картину цѣлой эпохи.

Предварительно выражу свое убѣжденіе, что пускаться въ похвалы или порицанія великаго преобразователя можно почесть въ настоящее время совершенно лишнимъ. Похвала или порицаніе его отселѣ, спустя 200 лѣтъ отъ его рожденія — это мы

(*) Въ чтеніи професора М. П. Смирнова, произнесенномъ въ началѣ акта, превосходно изображены какъ необходимость преобразованій Петра великаго, такъ и значеніе ихъ.

сами. Та степень искренности отношеній нашихъ къ тому, что въ очію совершается, придастъ значеніе, болѣе или менѣе справедливое, похвалы или порицанія того, что совершилось въ жизни предковъ нашихъ, испытавшихъ преобразонательную силу Петра Великаго. Если въ его преобразованіяхъ озадачивали насиліе и крутыя мѣры, то въ настоящую эпоху есть время доказать, что, когда нынѣ болѣе уважены личныя и общественныя права, цѣль Петра Великаго была довести насъ до признанія этихъ правъ; если тогда, среди насилій, выражалась только поспѣшность подчиниться наружному, внѣшному, то нынѣ искреннее участіе въ народной жизни въ правѣ признавать существенное и отрицать наружное. Нынѣ именно должно сбыться вѣщее слово также великаго человѣка, М. В. Ломоносова, что Петръ Великій, спасая Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха, предготовилъ намъ безопасную радость. Да, Мм. Гг. похвала или порицаніе мужей, двигавшихъ судьбою народовъ, должна подчиняться тому историческому закону, сознавая который грядущія поколѣнія оправдываютъ своею жизнью тѣ или другія явленія въ ихъ общественномъ строѣ.

Повинуясь велѣніямъ историческихъ судебъ нашего отечества, не стану, слѣдственно, простирать рѣчи о событіяхъ и предпріятіяхъ, которыми ознаменовалъ себя неутомимый царь-труженикъ. Онѣ громадны; ими утвердилась политическая самостоятельность Россіи и совершился умственный переворотъ въ жизни русскаго народа. Такое значеніе ихъ представляетъ много важныхъ задачъ, привлекающихъ пытливость ученыхъ.

Для такихъ задачъ, однакожъ, мое слово безсильно и доказывало бы только мое непризваніе. Я позволю себѣ просить Васъ удостоить вашего вниманія усиліе мое раскрыть, что́ среди громадныхъ преобразованій было *наше*, а что чужое.

Такое усиліе истекаетъ изъ требованій науки словянской. Она, эта наука словянская, заставляя изучать судьбы Словянъ, всегда ставитъ вопросъ о томъ, что наше, что чужое.

Чужое, конечно, всегда дѣйствовало на Словянъ насильно, прихотливо—это каждому извѣстно; но что среди насилія Словяне спасали свое призваніе—это особенно нынѣ сознается.

Давно уже словянская наука знакома съ тѣмъ явленіемъ въ жизни Словянъ, что родное подавлялось чужимъ. Нѣтъ словянскаго народа, въ которомъ чужое не преобладало бы на краткое время или на цѣлыя столѣтія. Такова судьба Словянъ! Къ несчастію, бывало, что чужое, усвоиваясь, порождало притязанія, враждебныя призванію общесловянскому и нарушало взаимность словянскую. Наука, слѣдственно, словянская, волею—неволею признавая вліяніе чужаго, дорожитъ особенно тѣмъ, что въ словянскихъ народахъ она признаетъ своимъ. Въ русскомъ народѣ въ эпоху преобразованій она подмѣтила черты возвышеннаго словянскаго призванія и долгъ ея — обнаружить ихъ, какъ доказательства сего призванія. Эти то черты и будутъ предметомъ настоящей бесѣды.

Я полагаю, что когда говоримъ объ историческомъ народѣ, то его церковь, его потребности образованія, наконецъ, значеніе его народности должны особенно обращать на себя наше вниманіе.

Въ этихъ-то именно трехъ отношеніяхъ раскроемъ характеристическія черты эпохи преобразованій, — черты, которыми дорожитъ наука словянская.

I.

Извѣстно, что самая ранняя юность Петра Великаго была смущаема, тревожима тѣмъ чудовищнымъ безобразіемъ, когда во имя правовѣрія толпа мнимыхъ приверженцевъ старины не только произвела расколъ въ церкви, но и въ государственномъ строѣ пыталась извратить его основы. Поддерживаемая своевольнымъ честолюбіемъ людей, знакомыхъ съ іезуитскимъ началомъ пользоваться слѣпымъ невѣжествомъ, какъ орудіемъ своихъ замысловъ, расколъ сталъ политическою партіею, вызвавшею кровавыя расправы. Вѣрилъ-ли кто изъ коноводовъ его въ народное призваніе раскола, трудно рѣшить; но толпа, неистово упорствуя, стала опираться на мнимое преимущество ученія. Тяжко было тогда оспаривать ея толки, унижавшіе здравый смыслъ. Казни и стѣсненія, на ряду съ нововведеніями, усиливали только глухое самомнѣніе. Расколъ съ того времени

пересталъ даже почитать старину, считавшуюся его убѣжищемъ, и привязавшись къ буквѣ, оскудѣвшей содержаніемъ, отстаивалъ свое право тамъ, гдѣ всего менѣе здравый смыслъ допускалъ это право. Уронивъ живую народность, движимую мыслью и чувствомъ, онъ коченѣлъ, и тѣмъ не менѣе ставилъ свою неподвижность въ образецъ народной жизни, а лицемѣріемъ прикрывалъ свои нарушенія правъ народныхъ. Вступивъ въ упорную, но глухую борьбу съ церковью и властями, онъ вызывалъ обличенія, и не рѣдко казни. Возникшія пренія вращались безконечно около однихъ и тѣхъ же обрядовъ, чтеній—словомъ, внѣшнихъ признаковъ ученія.

Когда такъ расколъ толками своими отрицалъ существенныя права народности, когда пренія истощали средства вразумленія, тогда произнесено было слово, которымъ дорожитъ исторія, дорожитъ и наука словянская. Это слово, доказывающее необходимость нравственнаго перерожденія, превосходно обличало косность мнимыхъ старовѣровъ, оправдывало также и преобразованія.

Поразить расколъ, притязающій на вселенское значеніе, нельзя лучше и теперь какъ слѣдующею историческою истиною. «Мы Іафетово племя, мы рожденіемъ духовнымъ сыны равноапостольнаго князя Владиміра, мы родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, *людіе обновленія*;— церковь наша не токмо въ Россійскомъ государствѣ, но и въ странахъ греческихъ и въ сербскихъ и въ болгарскихъ и въ Молдовлахіи и въ Далматіи и просто рещи по вселеннѣй». (*)

Такою истиною въ эпоху преобразованія великій святитель Димитрій Ростовскій ободрялъ народъ, указывая на значеніе церкви. Самъ принадлежа, по происхожденію, простому народу, (онъ былъ сынъ сотника казацкаго), онъ глубоко прозрѣвалъ и въ добрыя и въ дурныя свойства народа. Не доживъ до полнаго осуществленія реформы (онъ умеръ въ 1709 году), онъ признавалъ существенное ея значеніе.

Въ смиренной, слѣдственно, келіи иноческое подвижничество мирилось съ мыслью о необходимости преобразованій, выражая

(*) См. св. Димитрія Ростовскаго, Розыскъ, изданіе 1776 года стр. 113, 424.

возвышенное довѣріе въ нравственной силѣ русскаго народа, развитію котораго мѣшали толки раскола. Конечно, не тщеславіе воодушевляло святого мужа, жизнь котораго посвящена была труженничеству на пользу народа.

II.

Но тяжкая обязанность обличать расколъ была слѣдствіемъ низкаго уровня просвѣщенія.

Въ эпоху преобразованія народное сознаніе было ошеломлено громадностію предпріятій и не нашло въ себѣ силы постигать ихъ общеполезной цѣли.

Еще болѣе пораженъ былъ народъ, когда нововведенія, нужныя и ненужныя, перестраивали, казалось, бытовой его строй. За тѣмъ постоянная вооруженная сила легла на безоружное населеніе, привыкшее къ земскому ополченію. Всѣ слои общества нашлись подчиненными такимъ требованіямъ, которыя невольно вызывали недоумѣнія. Наплывъ иностранцевъ, казалось, имѣлъ назначеніе не давать народу охранять свое достояніе при самомъ отчаянномъ его трудѣ. Мало по малу и многіе русскіе, поспѣшивъ усвоить внѣшность иноземнаго и отчуждаясь отъ народа, видѣли въ разныхъ концесіяхъ награду за свое отчужденіе, за свое пристрастіе къ чужому. Возникло рвеніе къ стяжанію на счетъ невѣжества трудолюбиваго народа.

Заводили, конечно, школы, но эти школы, назначенныя для высшаго и средняго круга общества, имѣли цѣлью подготовить людей служилыхъ, нужныхъ т. е. для службы. Петру Великому некогда было медлить, а между тѣмъ несостоятельность народныхъ силъ достигала крайнихъ предѣловъ; обнаруживалась строптивость и ее усмиряли силою.

Когда достигались такимъ образомъ высшія государственныя цѣли и въ виду ихъ учреждались академіи и школы; когда европейскіе порядки безпорядочно вносились въ общество,—въ эту трудную и грозную годину для народа вспомнилъ ли кто о немъ? Конечно, не поклонники реформы, прогресса, не, тѣ мужи, которые, усвоивъ себѣ европейскія манеры, пожаловали простой народъ, эту misera plebs, въ мужики. Европеизмъ тогда

вездѣ мало заботился о народѣ. Если и въ настоящее время, при новыхъ распоряженіяхъ, не смотря на усилія сдѣлать ихъ посредствомъ публичнаго обсужденія общепонятными, слышны жалобы на недостаточное разумѣніе ихъ: то тогда, очевидно, народъ не былъ въ силахъ постигать смысла и пользы перемѣнъ, которымъ подвергала его несокрушимая воля царя—исполина. И кто же вспомнилъ тогда о народѣ?

О народѣ вспомнилъ русскій крестьянинъ — Иванъ Посошковъ. Этотъ крестьянинъ, заботясь о скудости и богатствѣ своего отечества, былъ первый, сказавшій полезное слово о народѣ. Онъ—то дерзалъ докладывать Государю такъ:

«Паки не малая пакость крестьянамъ чинится, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. И какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ или и безъ указу, да скажетъ что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ слѣпые ничего не видятъ, не разумѣютъ».

«И ради охраненія отъ таковыхъ напрасныхъ убытковъ видится не худо бы крестьянъ и *поневолить*, чтобы они дѣтей своихъ отдавали въ ученье грамоты и наука грамоты учили бы ихъ писать. Я чаю не худо бы было такъ учинить, чтобы не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка. А когда грамотѣ и писать научатся, — то они удобнѣе будутъ не токмо помѣщиковъ своихъ дѣла править, но и Государевымъ дѣламъ угодны будутъ».

Эти требованія Посошковъ примѣнялъ и къ инородцамъ.

«Паче же всего, думалъ Посошковъ, для народа нужна правда и безъ насажденія правды и безъ истребленія обидчиковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ разныхъ явныхъ и потаенныхъ грабителей никоими мѣрами народу обогатиться невозможно», (*)

И такъ, когда треволненія будили силу, но не давали ей осмыслиться; когда призывали къ гражданскимъ обязанностямъ къ общественному дѣлу, но не давали средствъ понимать ихъ,—

(*) См. сочиненія Ивана Посошкова изд. 1842 стр. 175 и стр. 2.

выражена была потребность грамотности такъ, что и нынѣ нельзя иначе ее выразить. Преобразованія, слѣдственно, не отрицались, но сознательная послѣдовательность ихъ должна была истекать изъ всенароднаго распространенія грамотности.

Итакъ въ эпоху перелома бытовыхъ отношеній, изъ рядовъ народа послышался голосъ крестьянина о необходимости грамоты на то, чтобы Государевымъ дѣламъ угоднымъ быть.

Наука словянская въ правѣ внести этотъ голосъ начала XVIII ст. въ свою лѣтопись, какъ доказательство высокаго словянскаго призванія народа русскаго.

III.

Но время Петра Великаго было временемъ страшнаго напряженія силъ Россіи для государственныхъ цѣлей. Взывая ко всеобщему труду, Преобразователь, нуждался въ великой рабочей силѣ, чтобы поставить зиждительнымъ началомъ новой Россіи европейское ея устройство. И вотъ вся жизнь русскаго народа умчалась въ открытое море-океанъ всемірной исторіи — безъ оглядки на свою народность. Она мчалась, а между тѣмъ зарождалось то раздвоеніе, которымъ доселѣ мы страдаемъ. Въ то время, когда топоромъ рубили невѣжество, когда немилосердо снимали съ насъ густую накипь, ржавчину суевѣрія,—задѣли и заживое. Народность ставили ни во что—лишь бы быть европейцами; ее и словомъ не думали приголубить. Для нея заняли у сосѣдней цивилизаціи кличку—*подлая*.

Вотъ отъ чего произошли нареканія на Петра Великаго при немъ и послѣ него; заговорили и заговорили даже люди недюженные о повреждепіи, растлѣніи нравовъ.

Нареканія эти, однакожъ, эти обвиненія значительно потеряютъ свою силу, если сообразимъ внутреннія народныя отношенія въ эпоху преобразованія.

Русскій народъ тогда состоялъ изъ двухъ искони предопредѣленныхъ къ взаимности племенъ. Эти племена, соединенныя единствомъ вѣры и происхожденія, выражали собою два направленія, которыя настало время привести къ одному знаменателю.

Одно племя, сѣверное, съ сильно развитою общинною жизнью, сознавало въ себѣ преимущество не въ слѣдствіе высшаго просвѣщенія, образованія, но въ слѣдствіе личнаго строгаго подчиненія въ видахъ службы государству.

Другое, южное племя, отстоявшее въ тяжкой борьбѣ вѣру и независимость, развивъ сознаніе личности на мѣсто разложившейся общины, выдѣляло изъ себя дружины, въ слѣдствіе окружавшихъ его политическихъ обстоятельствъ.

Не смотря на различіе направленія, оба племени крѣпко защищали одно знамя — знамя русское.

Народность ихъ, не смотря на соблазны, держалась взаимностію, которой именно въ эпоху Петра Великаго не доставало высшаго нравственнаго мотива.

Конечно, въ самомъ началѣ царствованія Петра Великаго царскій совѣтъ призналъ нужнымъ дополнить глуховскія статьи постановленіемъ:

«Чтобы гетману и старшинѣ, служа великимъ Государямъ, народъ малороссійскій всякими мѣрами и способами съ великороссійскимъ народомъ соединить, въ неразрывное и крѣпкое согласіе приводить всякимъ поведеніемъ, чтобы были подъ одною царскою ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА державою обще, какъ единой христіанской вѣры».

Но общее предначертаніе это далеко отстояло отъ дѣйствительности. Возникли противорѣчія, которымъ чужая политика могла придать пагубное значеніе. Къ счастію, политика того времени не была политикою седанскаго героя, превращавшаго святое слово народности въ орудіе, подготовляющее смуты въ государствахъ. Къ счастію, взаимность тогда въ цѣломъ русскомъ народѣ, какъ и нынѣ, поддерживалась здравымъ смысломъ.

Противорѣчія, однакожъ, возникали потому именно, что съ одной стороны старшины соблазнялись сладкимъ произволомъ панства, съ другой стороны царскіе намѣстники вели свой приказный контроль въ духѣ непогрѣшимости, не признававшей за южнымъ русскимъ того, въ чемъ нуждался и сѣверный русскій.

Нужно было той и другой сторонѣ дать почувствовать, что онѣ не призваны къ господству одна надъ другою. Безпо-

щадное обращеніе Петра Великаго съ сѣверно—русскою народностію, увидѣвшею всю тщету московской спѣси, было сопровождаемо рѣшительнымъ призывомъ южной къ участію въ общерусскомъ дѣлѣ. Это участіе южной Руси во время преобразованія ознаменовалось достойнымъ служеніемъ пользамъ государства. Крутыя мѣры, слѣдственно, Петра Великаго, не щадившія той и другой народности, вызваны были недовѣдомою потребностію уравновѣсить въ общемъ призваніи оба племени сѣверное и южное.

Стремясь, однакожъ, къ европейскому наряду, преобразователь наблюдалъ только, чтобы народности не разбрелись врозь: приголубить ихъ взаимность *всякимъ добрымъ поведеніемъ* не считалось государственною обязанностью. Эта взаимность, однакожъ, сама за себя засвидѣтельствовала въ лицѣ героя южно-русскаго племени, доказавшаго, что народный духъ русскихъ несокрушимъ и при крутыхъ мѣрахъ.

Всѣмъ извѣстно, что въ эпоху преобразованія двуличный Мазепа за свое европейское образованіе былъ почтенъ царскимъ довѣріемъ; всѣмъ извѣстно, какъ онъ оправдалъ это довѣріе, какъ средп панства чтилъ онъ русскую народность, какъ губилъ онъ тѣхъ, которые дерзали заявлять вѣрность ей; но къ несчастію забыли, или не хотятъ вспомнить, что еще былъ человѣкъ, мѣсто котораго въ исторіи Петра Великаго едва замѣтно,—и этого именно человѣка словянская лѣтопись внесла въ число героевъ русской взаимности. Да позволено мнѣ будетъ выдвинуть изъ тьмы забвенія эту личность и событіями доказать ея словянское призваніе.

Въ то время, когда въ сѣверной Руси происходили волненія, приведшія къ расколу, въ южно-русскомъ племени произошелъ расколъ въ слѣдствіе политическихъ расчетовъ. Правый берегъ Днѣпра остался внѣ предѣловъ Россіи. Южная Русь была раздвоена. Между тѣмъ какъ на лѣвой сторонѣ Гетманъ Мазепа, пользуясь царскимъ довѣріемъ, пытался преобразовать южную Русь въ панскую, на правомъ берегу начались обычныя гоненія, воздвигнутыя на русскій народъ достойными питомцами іезуитовъ.

И тамъ, на правомъ берегу Днѣпра, образовалось, конечно, свое гетманство, но власть его была терпима до времени до поры и кончилась кровавою развязкою. Для болѣе вѣрной защиты народа, тамъ стали образовываться дружины и въ челѣ ихъ вскорѣ возвысился приснопамятный Семенъ Палѣй. Онъ не ограничился однимъ отпоромъ гоненій. Занявъ своими дружинами земли праваго берега Днѣпра, онъ превратилъ пустыни въ заселенную страну и, не смотря на польскіе протесты, упрочилъ безопасность русскихъ въ волостяхъ Хвастова и Бѣлой церкви. Чтобы заслужить довѣріе, онъ не разъ принималъ участіе въ войнѣ противъ Турковъ и своими счастливыми походами на Очаковъ и Кизикерменъ, на Бендеры и Аккерманъ пріобрѣлъ славу непобѣдимаго полководца. Слава эта и доселѣ живетъ на берегахъ Днѣпра и Днѣстра. Поднявъ значеніе имени русскаго, онъ достигалъ цѣли, указанной убѣжденіями народа. Понимая его стремленія, онъ прокладывалъ имъ путь среди трудныхъ обстоятельствъ. И вотъ съ 1688 года по 1704 годъ онъ не переставалъ просить принять его подъ державу русскаго царя и слить судьбы свои съ судьбою русскаго государства. Но отказъ послѣдовалъ за отказомъ. Непреклонный въ своихъ намѣреніяхъ, Палѣй подвергся гоненію. Его неоднократно силою пытались подчинить польскимъ властямъ. Онъ отбивался и заявлялъ преданность царю-преобразователю. Тщетно покушались заманить его въ сѣти панства, нетерпѣвшаго такихъ апостоловъ милосердія къ русскому народу. Палѣй оставался вѣрнымъ защитникомъ своего народа. Къ нему отправили знаменитаго дипломата Паткуля, уговорить пристать къ Полякамъ: онъ отвергъ обѣщанія и стоялъ на томъ, чтобы соединиться съ русскимъ народомъ.

Между тѣмъ его преданность народному дѣлу, усиливъ ненависть магнатовъ, пробудила подозрительность Мазепы. Мало по малу іезуитскія интриги стали осиливать. Палѣя стали изображать безпокойнымъ, опаснымъ филантропомъ. Вмѣсто желанной защиты русскаго царя, онъ обманомъ завлеченъ былъ въ лагерь Мазепы, схваченъ и, на радость панамъ, преданный русскимъ властямъ какъ измѣнникъ, сосланъ въ ссылку въ Сибирь.

Нынѣ изданные Кіевскою Археологическою коммисіею для разбора древнихъ актовъ документы возстановили честное имя Палѣя и доказали, что измѣны за нимъ не было. Онъ не хотѣлъ подчиниться хитрому панству и искалъ быть участникомъ общерусскаго дѣла подъ защитою царя-преобразователя. Такое же преданіе сохранилось о немъ и въ памятникахъ народнаго творчества.

Не прошло трехъ лѣтъ послѣ ссылки Палѣя, обнаружились замыслы Мазепы. Когда Карлъ XII, стремясь нанести рѣшительный ударъ Россіи, вступилъ въ ея южные предѣлы, Мазепа поспѣшно бѣжалъ въ шведскій лагерь.

Тогда-то происки и клеветы Мазепы стали очевидны. Ему ненавистна была та искренняя преданность русскому дѣлу, которою ознаменовалъ себя Палѣй.

Возвращенный изъ ссылки, Палѣй удостоился Его царскаго Величества милости—стать рядомъ съ прочими воинами на поляхъ Полтавскихъ. Тамъ онъ воодушевилъ мужество козаковъ и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Полтавская побѣда, одержанная дружнымъ содѣйствіемъ русскихъ сѣвера и юга, засвидѣтельствовала, что въ общерусскомъ дѣлѣ вѣрность Палѣя внушена тою взаимностію, которая не смущается недовѣріемъ и гоненіемъ. Какъ же не должна наука словянская внести въ лѣтописи свои имя того, который, не переставая принадлежать своей родинѣ, отрицалъ сепаратизмъ даже тогда, когда постигала его ссылка? Она ставитъ его въ доказательство того, что притворная покорность Мазепы можетъ конечно успѣть въ обольщеніи, но не поколебать русскихъ. Недовѣріе къ такой взаимности, и довѣріе къ мазепамъ глубоко оскорбляетъ, однакожъ, народное чувство.

Итакъ въ эпоху преобразованій выразились черты русской жизни, которыя мы признаемъ нашими, не чужими.

Онѣ, конечно, выражались при Петрѣ Великомъ еще безъ заслуженнаго признанія, а нынѣ, когда церковь собственнымъ примѣромъ поощряетъ насъ къ преобразованію, когда всеобщая гра-

мотность стала насущною потребностью всѣхъ сословій, когда взаимность и благоволеніе стали желаннымъ условіемъ нашей народной жизни—мы смѣло можемъ питать убѣжденіе, что вѣкъ Александра II ознаменуется всенароднымъ оправданіемъ завѣтныхъ задачъ русской земли.

Будемъ же благодарны правдолюбивому, нынѣ царствующему, Преобразователю нашему, и каждое наше начинаніе будемъ направлять къ всесословному счастію отечества нашего. Ради этого счастья, станемъ усерднѣе изучать нужды земли русской и, сознавая капитальное значеніе семитическаго космополитизма, испытывая прелести союзнаго съ нимъ, подъ часъ очень лояльнаго іезуитизма, преслѣдуемые коварною взыскательностью нажившихся выходцевъ, — станемъ рядомъ съ русскимъ народомъ тамъ, гдѣ мы не имѣемъ права быть передовыми, и тамъ, въ храмѣ Божіемъ, станемъ чаще произносить съ нимъ слова молитвы, такъ необходимой не только въ насущной жизни, но и въ исторической жизни:

Боже, отче нашъ, не введи насъ во искушеніе, избави насъ отъ лукаваго и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

2007081060